

ПОБЕГ КАПИТАНА УАЙТА

Томас Уолтер Уайт (Thomas Walter White, 1888-1957) – заметная фигура в истории Австралии. Он был одним из первых австралийских военных летчиков. Попав в турецкий плен в 1915 году, он встретился с русскими, что, в конечном итоге, помогло ему незадолго до окончания Первой Мировой Войны бежать в охваченную Гражданской войной Россию. Он был свидетелем многих драматических событий, которые происходили в Одессе осенью 1918 года...

В 1918-32 гг. Уайт занимался коммерцией, но в начале 1932 года вернулся в армию. Еще в 1929 году он был избран членом австралийского парламента, а в 1935-38 гг. занимал министерский пост в правительстве Австралии. В 1938 году Уайт побывал в Европе во главе австралийской миссии, направляющейся на конференцию, посвященную вопросам приема беженцев. Во время этой же поездки он посетил фабрики и авиазаводы в нацистской Германии, и это дало ему возможность убедиться в том, что Германия готовится к войне. Он, однако, не сумел убедить в этом кабинет министров и ушел в отставку. Тем не менее, во многом благодаря Уайту тысячи преследуемых нацистами людей получили политическое убежище в Австралии.

С началом Второй Мировой Войны он вновь вступил в RAAF и в 1941 году был отправлен в Англию, где командовал авиабазой в Бурнмауте (Bournemouth). Несмотря на солидный возраст и нарушая правила, он принял участие в нескольких рейдах на Германию вторым пилотом. В существенной мере благодаря своему вынужденному путешествию в Россию в 1918 году Уайт был убежденным антикоммунистом. В 1943 году, вернувшись в Австралию, он принял участие в создании крупнейшей правой политической партии страны – либеральной, а в 1949 стал министром авиации в кабинете министров страны. По его инициативе, в частности, в 1950 году 77-я эскадрилья RAAF была отправлена в Корею.

В 1951-56 гг. Сэр Уайт (он получил рыцарское звание в 1952 году) был послом Австралии в Великобритании. Вернувшись домой, он скончался в 1957 году. Томас Уайт написал книгу воспоминаний о годах Первой Мировой войны. Некоторые страницы этих воспоминаний предлагаются вниманию читателя этого сайта.

Весной 1915 года Уайт прибыл в Басру (Месопотамия) в составе так называемой Australian First Half-Flight Unit, насчитывавшей 45 летчиков и механиков.

Первоначально летчики занимались разведывательными полетами и аэрофотосъемкой турецких оборонительных линий. Затем они приступили к боевому бомбометанию, сбрасывая вручную двухфунтовые бомбы. В начале ноября 1915 года Уайт отличился, сумев обнаружить в пустыне потерпевший аварию британский самолет и спасти находившегося в нем генерала А.В. Кемболла. Под огнем арабов Уайт приземлился, помог генералу перебраться в свою машину и улетел на аэродром.

Тринадцатого ноября 1915 года Уайт с капитаном британской армии Йитс-Брауном поднялись в воздух с диверсионными целями – им поручили перерезать телефонные линии в окрестностях Багдада. Самым трудным оказалось найти место для посадки.

Приземлившись на более-менее ровную узкую площадку близ телефонной линии, Уайт потерял контроль над машиной и, врезавшись в телеграфный столб, сильно повредил крыло самолета. Вскоре поблизости появились вооруженные арабы и турки. Времени почти не оставалось, однако Ийтс-Браун успел взорвать телефонный кабель, а Уайт перелить горючее из запасных канистр в топливные баки. Но тут удача отвернулась от диверсантов – мотор самолета не завелся.

Арабы и турки вытащили диверсантов из самолета и жестоко избили. Затем пленников отвезли в Багдад, где избиения и издевательства возобновились. Позднее, в тюрьме городка Мосул, пленники встретились еще с несколькими попавшими в плен летчиками, в том числе с теми, которые числились пропавшими без вести. Вскоре к ним присоединилось еще несколько попавших в плен товарищей по авиаотряду. Из тюрьмы измученных голодом и издевательствами австралийцев перевезли в Турцию на строительство железной дороги. Здесь, в горах Таурус, работали и умирали от голода, болезней и издевательствах британцы и австралийцы, захваченные в плен на Галлиполи и Ближнем Востоке.

Уайт рассказывает об одном из лагерей, в которых он побывал (город Кутия/Kutieh):

Пленные, в основном авиаторы, попали сюда с разных фронтов, за исключением сорока русских штрафников, четверо из которых совершили неудачную попытку бежать. Русские были из разных боевых подразделений. Старшим среди них был полковник князь Авалов, искрометный маленький кавалерист, который когда-то был капитаном в личной охране царя, сражался и был ранен на каждом из русских фронтов и, в конце концов, был тяжело ранен и взят в плен во время попытки добраться до осажденной крепости Кут-эль-Амара (крепость, в которой были окружены турками британские войска под командованием [генерала Таунсенда](#) – ВК) с отрядом русской кавалерии, который прошел через персидскую территорию. Без каких-либо посылок от благотворительных организаций, русские находились в достойном сожаления тяжелом положении, но переносили страдания стоически, и с щедростью, которая казалась врожденной у представителей образованной их части, делили самые последние крохи со своими товарищами.

Иногда нам разрешали играть в футбол. Игра вызывала большой международный интерес, и футбол, в том виде, в каком его понимали игроки от Тифлиса до Бомбея с несколькими случайными французами, которые были агрессивными новичками, был полон интересных событий. Звездным моментом были акробатические трюки русских, которые вместо того, чтобы поворачиваться к мячу лицом, неожиданно падали на четвереньки и лягали его по-ослиному, что, к нашему великому удивлению, иногда приносило успех...

(В лагере, в городке Афион – ВК) я и мой товарищ Луском посвятили некоторое время изучению русского языка, так как предполагали, что побег или военная служба в будущем могут привести нас в Россию. Перевод русских торговых моряков в Кутию положил конец нашим урокам, но прибытие Авалова и его ребят почти через 12 месяцев подвигло нас на то, чтобы взяться опять за его трудные хитросплетения. Трудности их собственного языка и их хорошо известные языковые способности вместе со знанием французского позволили русским играючи овладеть турецким, и, невзирая на акцент, сделать большой прогресс в английском. В наших занятиях для общения нужно было знать французский, который был необходим вдвойне, так как, кроме всего прочего, давал нам возможность познакомиться с глубинами русского характера.

Благодаря дружбе с русскими я, в конце концов, получил реальную возможность бежать из Турции. Гавриил Заинчинков был хорошим учителем, хотя и неважным учеником, но и человеком, который за друга пойдет в огонь... Позднее, в Константинополе, еще один из них, Владимир Вилковский, проявил себя ценным посредником. Но более всего я обязан Константину Камбани – за план, который, в конце концов, дал мне возможность бежать из Турции.

Русские морские офицеры вернулись в Афион из Кутии. Их лагерь был брошен после заключения мира между большевиками и центрально-европейскими державами (*Германией и Австро-Венгрией – ВК*), который хотя и был им неприятен, казалось, мог ускорить их освобождение.

Среди наших знакомых русских были братья Камбани, которые владели долей в британском пароходе *Ida*. Они знали каждый левантинский остров и каждый порт на Черном море. Во время Балканской войны они контролировали просвет в турецкой блокаде, сделав несколько смелых рейсов для греков из Одессы в Салоники. Константин Камбани сразу же разобрался в моих намерениях и убедил меня в том, что в пределах досягаемости не осталось ни одного грека. Незадолго до этого их суда были захвачены или потоплены, а владельцы разогнаны турками. В ином случае любой грек помог бы нам. «Если Вы сможете добраться до Константинополя, мистер Уайт, - предположил он, - то Вы сможете бежать на одном из судов, которые ходят сейчас между Одессой и Константинополем. Новый пленный сказал мне, там сейчас стоит судно. А в кафе *Маритца*, которое я хорошо знал до войны, есть официант по имени Теодор, который может помочь Вам».

Больных пленных турки отправляли на лечение в Константинополь. Притворившись больным, в мае 1918 года Уайт добился и своей отправки. Последние недели в Афионе пронеслись быстро в усиленном изучении русского и турецкого и в консультациях с Камбани. В Константинополе Уайт и еще два пленных британца – Рутерфорд и Ботт - получили возможность прогуливаться вблизи госпиталя. Подкупив охранников, они, в конце концов, добрались до кафе «Маритца» и встретились с официантом по имени Теодор. Тот пообещал Уайту дать знать об их намерениях механикам с русского парохода «Батум». Во время одного из походов в кафе Уайт и его товарищи столкнулись с Аваловым.

После того, как немцы и австрийцы оккупировали Южную Россию, турки освободили всех грузин (взяв с них слово, что они будут воевать против англичан) в надежде, что новообразованная Грузинская республика будет сражаться на стороне турок. Эти надежды были не вполне обоснованы в случае с Аваловым, так как тот ненавидел турок и, незадолго до отправки из Афиона, у него, во время визита комиссии из (*нейтральной – ВК*) Дании, появились новые причины для этого. Комендант лагеря в этот день посадил под замок всех британцев, но с Аваловым провели беседу два датчанина, сопровождаемые комендантом и охранником. После беседы охранник вернулся и на чистом русском обвинил Авалова в том, что он передал датчанам какую-то письменную информацию. Авалов пришел в ярость и немедленно вызвал турка на дуэль. Турок отклонил предложение. В качестве альтернативы русский предложил ему найти записку, и, пообещал, что в случае, если она будет найдена, он совершит самоубийство. В противном случае это пришлось бы сделать турку...

(В городке Псаматия – ВК) мы жили в помещении армянской богословской школы вместе с несколькими офицерами и несколькими сотнями британских, индийских, русских, румынских и сербских военнопленных солдат. Нам достались комнаты для учителей, тогда как солдаты скучились в грязных классах и пристройках. Многие из них провели там месяцы, ожидая перевода в рабочие лагеря или в надежде на обмен. Редкие посылки облегчали жизнь британцам и индийцам, но в голодных глазах солдат других национальностей было видно изнеможение. Как загнанные в клетки животные русские и румыны слонялись по двору. В дни прихода посылок британцы раздавали немного, что имели, своим несчастным товарищам по плену. Боевые заслуги сербов и их стоическое достоинство вызвали особое расположение у британцев, и большая часть раздаваемого перепадала им, в то время как менее удачливые русские были вынуждены искать окурки.

Поездки в Константинополь из-за недавнего побега были запрещены. Князь Авалов пообещал нам передавать содержание всех переговоров Теодора с инженерами с *Батума*,

но из-за того, что им ничего так и не было сделано, и из-за его болтливости, мы приняли решение найти другого посредника...

Владимир Вилковский был украинским летчиком польского происхождения, попавшим в плен во время операций русского Черноморского флота в районе Трапезунда. Мы были близкими друзьями с ним в Афионе, он говорил на семи языках, пытался бежать в 1916 году, и я очень уважал его за храбрость и способности. Вместе с другими русскими он жил в здании напротив нашей школы, но каким-то образом умудрился добиться возможности посещать нас ежедневно. Услышав о том, что в Константинополь прибыл посол из новообразованной Украинской республики, он старался, основываясь на своих знаниях многих языков, получить должность его секретаря. Он часто встречался и беседовал с послом, и, от моего имени, встречался с Теодором...

Наш побег был назначен на 24 августа. Мы должны были добраться до немецкого пивного зала *Zur Neuen Welt*. Там мы должны были встретиться с русским, который отведет нас в укрытие. Узнать его можно будет по сигарете за левым ухом. Когда *Батум* будет готов к отплытию, мы тайком переберемся на его борт, и там нас за существенную мзду спрячут судовые механики...

Добившись разрешения на визит к зубному врачу, Уайт и его товарищ Ботт под охраной отправились на поезде в Константинополь. Здесь им невероятно повезло – на станции Кум Капу, последней перед городом, их поезд налетел на несколько отцепленных вагонов, и в давке им удалось бежать из-под охраны. После долгих приключений Уайт добрался до пивной Zur Neuen Welt...

... А вот и человек, которого я ждал! За его левым ухом я разглядел сигарету, почти незаметную под его волосами и полями шляпы. Как только я увидел его, я тоже засунул за свое ухо сигарету, но он проигнорировал мой сигнал и какое-то время вообще не смотрел на меня. Я заказал две стопки, уселся рядом с ним и спросил его по-русски, говорит ли он на этом языке. Он ответил утвердительно. «Вы кого-нибудь ждете?» – спросил я, одновременно с этим засовывая сигарету, которую курил, себе за ухо. Он, казалось, был сильно испуган, его пальцы нервно застучали по краю стола. «Я – один из британских офицеров, которых Вы ищете», – сказал я ему. «Но Вас должно быть двое», – пробормотал он. «Второго поймали, иначе Вы бы уже встретились с ним», – ответил я... Я сказал ему, что буду ждать на улице. Он согласился, мы пожали друг другу руки, многократно попрощавшись, как бы расходясь в разные стороны. Дождавшись моего нового друга, я последовал за ним, держась в 20 шагах позади...

Русский привел Уайта в пустую комнату, оставив его там до утра. Утром он принес австралийцу еду и питье и сообщил, что встретился с одним из механиков с «Батума», который сообщил о прибытии на борт судна другого британского офицера. Поскольку дата отплытия была еще не определена, британец, который, как рассудил Уайт, был не кто иной как Ботт, должен был сойти на берег и прятаться вместе со ним. Это был действительно Ботт, которого поймали рядом со станцией Кум Капу. Ему, однако, снова удалось бежать, и он сумел нанять лодку, отыскать в порту Батум и подняться на его борт. Беглецы прятались еще неделю, после чего русский отвел их в порт и переправил на Батум.

Когда стемнело, один из офицеров отвел нас в свою каюту, напоил чаем и угостил сигаретами. Это был Иван Михайлович Титов, старший механик *Батума* и глава синдиката, руководившего нашей переправкой в Россию... За несколько дней до побега я приготовил пакет, который передал Вилковскому для отправки на *Батум*. Было приятно узнать, что Титов получил его, но представьте себе наше удивление, когда мы вместо бисквитов, масла, табака и других деликатесов получили пакет с несколькими унциями сухого риса, двумя кусочками шоколада и четырьмя сухими абрикосами. Я спросил, что случилось с остальным, но Титов с достоинством ответил, что это все, что он получил... Он спросил,

принесли ли мы деньги, потирая друг о друга большой и указательный пальцы. Мы сказали, что у нас достаточно денег для удовлетворения собственных нужд, на что он не преминул заметить, что нам придется платить ему 4 фунта в день за еду, и что он будет нам обязан, если мы сейчас заплатим часть денег за проезд. Его жажда денег встревожила нас, и я ответил, что мы заплатим частично, когда судно отплывет, и полностью выплатим все по прибытии в Одессу. Он изобразил удовлетворение от сделки и сделал попытку проявить дружелюбие, прочитав несколько фраз из разговорника... Когда он ушел, чтобы привести старшего помощника, я заглянул в его буфет и увидел коробку с английскими бисквитами, которые в Турцию могли попасть только в посылке из Британии для военнопленных, и которые, я был уверен, принадлежали мне. Мы решили промолчать и сделать выводы позднее, но это открытие подтвердило наши подозрения в отношении личности главного механика.

Вскоре мы поняли, что в этом воровском логове Титов был главным. Офицеры и команда походили друг на друга в желании быстро разбогатеть любым незаконным способом, и все члены команды за исключением, может быть, старенького капитана, имели свою долю в провозе незаконных пассажиров или контрабанды. Отдавая себе отчет в неопределенности ситуации в России в общем и в нестабильности новообразованной Украинской республики, они были одержимы извлечением прибыли из любого товара. Сахар, наркотики, кожа и все виды живого груза, которые могли принести прибыль, завозились на борт днем и ночью. Таинственные свистки с лодок, скользивших вдоль бортов судна ночью, свидетельствовали о темных делах команды. Кочегары специализировались на водке и сахаре, украденных с других судов, стоящих в гавани, тогда как механики надеялись сделать деньги на кокаине. Титов имел долю во всех делах, и его боялись и уважали за хитрость...

Андреас Кульманн (латыш), третий помощник, был очень добр по отношению к нам и сделал нашу жизнь более комфортабельной, купив нам, по нашей просьбе, два немецких автоматических пистолета, что существенно подняло наш дух. Федор Мозный (Mozny) и Иосиф Короткий, второй и третий механики, были друзьями. Будучи подчиненными Титова, они боялись его и не доверяли ему, и Иосиф, храбрость которого росла пропорционально количеству выпитой водки, честно сообщил нам, что мы здорово переплачиваем Титову за еду, которая ему досталась задаром. Иосифу мы также были обязаны планом, согласно которому мы должны были под его сопровождением морем, поездом и пешком добраться из Одессы до союзников, находящихся в Сибири...

Федор много сделал для нас, особенно во время последней – наиболее опасной недели стоянки в порту, когда нас прятали в балластных цистернах. И он, и Иосиф везли контрабандой кокаин, табак и йод, спрятанные в каждом углу и купленные на деньги коммерсанта, зафрахтовавшего судно. Когда наши возможности платить были исчерпаны, Иосиф, Федор и Кульманн предложили довести нас до России совершенно бесплатно...

...Вся команда, за исключением старенького капитана, знала о нашем присутствии. Некоторые моряки и большинство кочегаров и смазчиков были большевиками, из них наиболее расположен к нам был «большевик Билл». Однажды рыжеволосый русский завязал беседу со мной, предложив мне немного фиг, что я с благодарностью принял. Вытащив русско-французский учебник, он спросил меня, не помогу ли я ему в изучении французского. Я согласился помочь, и «Билл» проявил себя другом, которому можно было доверять и человеком, имеющим авторитет среди членов команды. Он часто заходил к нам, приносил еду и держался особенно свободно и по-братски, когда был «на взводе». Хотя он и был большевиком, он признался нам в своем восхищении всем британским, поскольку сам когда-то служил под началом у британского военно-морского инструктора. В доказательство своей преданности, он предложил лично отвести нас к себе домой в Москву и заявил, что ни один большевик не унижит нас в его компании.

К сожалению, он не был типичным большевиком, и среди его товарищей по команде были революционеры разного толка. Один из них, кочегар-скандалист, который по пьянке

терроризировал все машинное отделение и вытаскивал нож по любому поводу, был кем-то вроде бывшего большевистского комиссара. Другой кочегар, бывший моряк Черноморского флота, во время разговоров в кочегарке с очевидным удовольствием рассказывал, как они убивали офицеров во время революционных событий, и как он лично застрелил двоих. Я заявил, что не испытываю симпатий к их делу и к их поступкам. «Следовало дать офицерам возможность предстать перед справедливым судом, а не убивать их по-дурному просто из-за их звания». Билл согласился со мной, но пустился в долгие разъяснения, что ничего подобного в британском флоте произойти не могло, так как британские офицеры по-братски относятся к своим людям, а русские только издеваются или игнорируют своих...

Двенадцать дней и ночей мы прятались в заброшенной радиорубке и спали по очереди на единственной полке поверх старых парусов и спасательных средств. Единственным занятием было изучение русского языка. [После отплытия - ВК] мы прятались еще на протяжении трех дней. Незаконные пассажиры – друзья членов команды, были в каждой кабине и в каждом шкафу. На второй день плавания кочегары и смазчики были настолько заняты «романами» со своими женщинами или пассажирками, что судовые котлы были заброшены и судно почти не двигалось. Винты едва вращались, и двигатель мог остановиться в любой момент, тогда как кочегары продолжали пьянствовать. В ночь перед отплытием состоялась такая же оргия, и бывший комиссар, после угроз в адрес кочегаров, пришел к нам с ножом в поисках Иосифа и был приведен в чувство только тогда, когда к его голове приставили револьвер. Одолжив у меня револьвер, Иосиф еще раз спустился в машинное отделение, и, проработав всю ночь кочегаром, удержал двигатели в рабочем состоянии, пока рабочие не приступили вновь к работе...

По прибытии в Одессу беглецы решили разделить деньги за проезд так, как считали более приемлемым, в том числе, вычтя деньги за то, что он украл у них, и за переплату, которую он взял с них за еду. Титова пригласили в каюту и сказали ему об этом. Он пришел в ярость, но вид револьвера, лежавшего на столе, успокоил его... В порту Одессы беглецы с борта шлюпки, на которой они вместе с Кульманном и Иосифом, грели к пристани, увидели на берегу австрийских солдат. Офицер заметил их и приказал солдатам задержать шлюпку с Батума. Им удалось проскочить, затесавшись среди шлюпок, перевозивших пассажиров на берег с местного каботажного парохода... (Офицеры и большая часть команды Батума были брошены в тюрьму всего через несколько дней после прибытия в Одессу. Говорили, что команда умудрилась продать даже якорные цепи. Сам Титов, по слухам, был убит во время большевистского восстания...).

У беглецов был адрес русского профессора Константинова, когда-то преподававшего в Стамбуле. Они разыскали его квартиру и встретили там его мать и сестру, которые представили их двум русским офицерам, совсем недавно добравшимся до Одессы из Петрограда и поселившимся в квартире по соседству. Русские офицеры отдали беглецам свои паспорта – так Уайт стал Сергеем Федоровичем Давыдовым, а Ботт - Евгением Нестеровичем фон Генко. Благодаря этим паспортам беглецы стали получать пайки от оккупационных австро-германских властей...

Ко времени нашего прибытия в Одессу вся Украина и города южной России были оккупированы австро-германскими войсками. Дав деньги Ленину и тайно способствовал распространению культа большевизма в России, Германия преуспела в превращении России в никчемного бойца. Ленинский переворот сверг правительство Керенского и увенчал успехом усилия немецкой дипломатии, дав Германии возможность перебросить столь необходимые войска на западный фронт. Результатом стало немецкое наступление, которое едва не привело к их победе в войне.

Но, подняв волну большевизма, Германия вывела на сцену более коварного врага. После того, как Россия погрузилась в море хаоса и анархии, пролетарские вожди в своем сумасшедшем желании сделать весь мир коммунистическим обратили свой взор на

ближайших соседей, и Германия и Австрия вскоре пришли в ужас от последствий своей деятельности. Эксцессы «пролетариата» перекинулись на Украину. За восстанием на Черноморском флоте и избиением офицеров последовали стрельба и беспорядки в Одессе. Советы Солдатских и Рабочих Депутатов преобразовались в комитеты Общественной Безопасности и, прикрываясь поисками оружия и подавлением контрреволюции, стали отбирать у людей все возможные средства нападения и защиты, грабя и убивая по своему усмотрению. Солдаты и матросы, переполненные злобой по отношению к офицерам или людям, которые по своему образовательному или социальному уровню могли быть отнесены к буржуазии или интеллигенции, получили золотую возможность дать волю своей мести. Любое безобразие проводилось в жизнь во имя свободы.

Некоторые проявили мужество и предпочли дать большевикам бой, а не сдаваться на милость борцов за новые свободы. Заметное сопротивление большевикам на улицах Одессы оказала группа офицеров и казаков. Большевики установили пулеметы на улицах и площадях, бой длился несколько дней, пока не было заключено перемирие, и повстанцы не ушли из города непобежденными. Публичные похороны шестидесяти большевиков, убитых в этих боях, превратились в большую большевистскую манифестацию. В другом случае восемь украинских офицеров забаррикадировались с пулеметами на вокзале, и несмотря на то, что даже стоявшие в гавани корабли вели по ним огонь, сумели нанести большой урон атакующим и скрыться...

Австро-германские войска, прибыв в Одессу из Румынии, быстро подавили большевистские выступления и создали вассальную Украинскую республику, которую возглавил гетман Скоропадский. Двадцать тысяч австрийцев и одиннадцать тысяч немцев были расквартированы в городе. На улицах стояла артиллерия, отряды австрийцев патрулировали город, на каждом углу были украинские полицейские. Стрельба на улицах, убийства австрийских солдат, тем не менее, происходили каждую ночь, в то время как процветали повальные грабежи и насилия, в которых венгерские солдаты действовали вместе с большевиками...

Большой склад боеприпасов на окраине Одессы был взорван большевиками с огромным ущербом для окружающих пригородов, при этом более двухсот австрийских солдат погибли от пожара, охватившего казармы. Посетив это место через несколько дней после приезда в Одессу, мы увидели, как мало ценится здесь человеческая жизнь: австрийские солдаты, не обращая на нас внимания, открыли с двадцати пяти ярдов огонь по женщинам-крестьянкам, которые подбирали патронные ящики и, тем самым, заставили их убраться восвояси.

Вскоре мы поняли, что покинуть Россию будет не меньшей проблемой, чем добраться до нее. В районе Мурманска и Архангельска были британцы, до которых мы хотели бы добраться через всю большевистскую Россию. Рассказы других путешественников вскоре убедили нас, что это было невозможно... Мы также подумывали о путешествии на восток в Баку, где незадолго до это высадились британцы, но сведения о том, что Баку захватили турки, заставили нас забросить этот план. Большая часть Румынии была оккупирована немцами, и там нам пришлось бы не лучше, чем в Одессе.

В тех обстоятельствах наиболее выполнимый план состоял в том, чтобы вступить в антибольшевистскую армию, в то время действовавшую на юге России, и, прослужив там какое-то время, перелететь к союзникам или чехословакам, воевавшим в Сибири, а оттуда – во Владивосток. Эта армия, носившая название Добровольческой, в основном состояла из бывших офицеров императорской армии и казаков и первоначально была сформирована патриотом Корниловым. После его гибели в бою командование принял на себя генерал Алексеев, который со своим штабом находился в Екатеринодаре и командовал солидной группировкой из сорока восьми батальонов. Набор в его армию происходил в Одессе совершенно открыто, так как в немцев уже вселился страх перед Франкенштейном, выращенным ими же, и они, несмотря на удовлетворение от

разрушительной работы большевиков, были полны желания переключить внимание большевистских пропагандистов с Германии и Австрии на гражданскую войну...

Через пару недель после того, как мы сошли с *Батума*, неожиданно появился Вилковский, который бежал, спрятавшись на другом пароходе. Его отец был известным в городе адвокатом, а дядя занимал высокий министерский пост в правительстве Украины. Вилковский был лично знаком с представителем Добровольческой армии, и взял на себя заботу о том, чтобы нас включили в состав группы бывших офицеров, отправляющихся в Новороссийск...

Слухи о предстоящем выводе австрийского гарнизона дали большевикам возможность вновь зашевелиться, что вызвало дрожь у гражданского населения. Газеты, несмотря на строгую цензуру, день от дня сообщали о большом продвижении союзников на Западном фронте и были полны слухов о предстоящем заключении перемирия с Болгарией. Перспектива добраться до Варны на госпитальном судне «Евфрат», на котором должны были привезти освобожденных украинских военнопленных, показались нам более надежными, чем вариант с Добровольческой армией и Сибирью...

В большевистских районах города чувствовалось растущее брожение. Стало общеизвестным, что через три дня большевики вознамерились поднять восстание, выгнать австрийцев и продолжить истребление буржуазии. Сообщали, что консул Советской России истратил огромные деньги на пропаганду, и что, по слухам, среди тысяч тех, кто бежал в Одессу в поисках последнего прибежища от большевизма (увеличив население города от пятисот тысяч до миллиона человек), было множество вооруженных большевиков, которые только и ждали момента, чтобы заявить о себе. Советские учреждения и консульство подверглись полицейскому рейду, около двухсот просоветски настроенных граждан были арестованы, и многие казнены...

Мы посетили украинский штаб и узнали, что на окраине города возводится небольшой форт, где с тремя-четырьмя орудиями и недостаточным количеством винтовок группа отчаявшихся офицеров была настроена на то, чтобы сражаться до последнего человека. Позднее мы узнали, что после прибытия франко-греческих войск из Салоник после ухода австро-германского гарнизона, множество неопознанных трупов офицеров было найдено в форте за чертой города - там, где они собирались обороняться от большевиков...

Буржуа так и остались неорганизованной силой. В кафе *Робинар*, *Франкони* и *Свицс* спекулянты ежедневно заключали сделки на куплю-продажу различных товаров, варьирующих от чая до украденного фуража и снаряжения, купленного у солдат местного гарнизона, в то время как как оборванные толпы смотрели на них и говорили о предстоящих погромах и скором возвращении большевиков. Товар продавался и перепродавался много раз. Сделанные таким образом деньги быстро тратили в бесконечных пирах, прогоняя мысли о наступающей трагедии, которую могла бы предотвратить трезвая и энергичная организация.

А бояться было чего. «Яблочко», революционную песню о страшном инциденте, который произошел на крейсере *Алмаз*, можно было услышать на любом углу в большевистских кварталах, и следовало ожидать повторения охоты за офицерами, грабежей и убийств, уже имевших место во время предыдущего правления большевиков. Об инциденте на *Алмазе* я в свое время узнал от одного из кочегаров *Батума*, и, расспросив об этом русских и англичан в Одессе, я вполне мог в это поверить...

Донеслись слухи о том, что французские войска маршируют из Болгарии в Одессу, и постоянно сообщали о том, что британский флот прошел через Дарданеллы. Каждый день на Пушкинском бульваре собирались толпы, ожидающие кораблей с войсками союзников на борту. Очевидным были усиление активности патрулей и претенциозные парады австро-германских войск – маскировка перед отправкой войск в Австрию и Германию и

попытка изолировать войска от большевистской пропаганды, которая уже успела пошатнуть дисциплину в войсках.

Как-то ночью нас остановил австрийский патрульный, но, правильно угадав, что он собирался что-то продать нам, я сразу спросил, сколько он просит. С ухмылкой он достал большую коробку отвратительных сигарет, которую я купил у него за двойную цену... Последние несколько дней перед отплытием в Варну мы провели, собирая информацию о количестве и расположении австро-германских войск, размещении их складов и хранилищ, количестве кораблей и полезную информацию о большевиках...

В Варне беглецы встретились с недавно вошедшими в Болгарию британцами. Одно из британских подразделений готовилось к отправке в Южную Россию, и Уайт и Ботт выразили желание вернуться на службу и присоединиться к нему. Однако состояние их здоровья, подорванного тремя годами плена и мытарств, оставляло желать много лучшего. Уайт и Ботт были переправлены в Салоники на поправку. Там они узнали, что британская экспедиция в Южную Россию отменяется, и обратились к командованию с просьбой отправить их в Великобританию. Так закончилась для них Первая Мировая война...

P. Adam-Smith. Prisoners of War from Gallipoli to Korea. 1992

T. W. White. Guests of the Unspeakable. 1928

Возврат к главной странице www.warsstory.org